

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 949917

Correo
Argentino
Suc. 30 (B)

FRANQUEO PAGADO

Concesión No. 4233

Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

Editor-Director
TATIANA K. DE DUBROWSKY
Casilla de Correo 2847
Buenos Aires Argentina

AÑO XX

Buenos Aires, martes, 30 de enero de 1968

Буэнос Айрес, вторник 30 января 1968 года № 937

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

НА РОДИНЕ

338. ПРОЦЕСС РЕДАКТОРА И СОТРУДНИКОВ “ФЕНИКС-66”, ХАРАКТЕРИСТИКА ИХ ЕДИНОМЫШЛЕННИКОВ, ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРОЦЕССА И НАШЕ ОТНОШЕНИЕ К НЕМУ. — ПРОЦЕСС АНТИКОММУНИСТИЧЕСКИХ БОРЦОВ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ГОРОДЕ ЭЛИСТЕ (КАЛМЫКИЯ)

Закончившийся 12-го января с. г. процесс “Феникс-66” имеет столь крупное политическое значение, что на нем следует подробно остановиться.

Процесс длился четыре дня: фактически при закрытых дверях, ибо пропуски в зал были выданы лишь партийным активистам, чтоб прерывать возгласами возмущения слова обвиняемых и их защитников; на улице при морозе, превышавшем 20 градусов, часами стояли друзья и единомышленники подсудимых и иностранные журналисты, включая и недопущенных в зал заседаний корреспондентов зап. коммунистических газет, которые “умеренно” ворчали при громком возмущении коммунистов. В большом количестве шныряли в толпе наряду с милиционерами едущие в штатское чекисты и пресловутые дружинники, которые пытались вмешиваться в разговоры и устанавливать личность негодующих собеседников, среди которых выделялись Павел Литвинов, жена Даниэля, урожденная Богораз (вероятно, внучка известного академика из политссыльных дореволюционной России, автора этнографических трудов по Якутии Тана-Богораз) и особенно писатель П. П. Аксенов, кузен подсудимого Александра Гинзбурга. Но и другие молодые интеллигенты обоюдопола храбро и громко говорили о незаконности советского суда, при котором на официально гласный суд при открытых дверях не могут получить пропуск друзья, знакомые и иностранные журналисты. Любопытно, что зал был набит “дружинниками”, которые строго следили, чтобы никто среди своей же подобранный публики не смел делать незаметно отметки в записной книжке, которые потом могли бы появиться в иностранной печати.

На третий день стало известным, что накануне доставили из тюрьмы некоего “шпиона”, который выступал свидетелем обвинения и уличал подсудимых в связи с иностранными “наймитами” из русской антисоветской эмиграции.

Советская печать до сих пор молчит о процессе, если не считать мелкой заметки в хронике “Вечерней Москвы”, передающей через сутки после конца процесса только сроки заключения, к которым приговорены все четверо подсудимых. В самый день выступления главного свидетеля обвинения “Известия” посвятили ему длинную статью, из которой узнаем, что после войны в семье русских беженцев Соколовых, находившейся тогда в одном из лагерей Дн-Пн в Зап. Германии родился сын, названный Николаем. В дальнейшем они эмигрировали в Венецуэлу, где приняли венецуэльское подданство и отец, архитектор по образованию, служит уже давно в Каракасе в министерстве общественных работ. Воспитанный в русском духе, сын был послан родителями учиться в университет для иностранных студентов в городе Гренобле в Южной Франции.

Там с ним встретился “давний друг” его родителей по фамилии Дроздовский. Этот Дроздовский познакомил одинокого в Гренобле земляка с приехавшим из

Парижа солидаристом Славинским. Тот “обратил юношу” в солидаристы и познакомил с некоей Тамарой Волковой и с “Виктором”. Они уговорили Соколова, который по венецуэльскому паспорту назывался “Николаас Брокс” приехать посмотреть Париж. Там ему предложили в качестве венецуэльского туриста посетить за счет солидаристов Москву, одев под белое на тело потайной кожаный пояс с двойными стенками, куда положили шапирограф, копирку для тайнописи, несколько сот фотоаппаратов для изготовления листовок с призывом к свержению советского строя и 3 тысячи рублей советских денег в крупных купюрах. Ведели ему первые три дня только осматриваться, а на четвертый день передать по указанному адресу весь этот материал. Но по прибытии в Москву в декабре 1967 года он был сразу арестован, причем весь материал из кожаного пояса был отобран и сам он, якобы, после недолгих заперательств “признался”, подписал свои признания и выступил обвинителем на суде.

Статья молчит о суде, но хвастает осведомленностью Комитета Государственной Безопасности о деятельности НТС-солидаристов, обливая грязью трех руководителей: Поремского, Околовича и Романова. “Известия” спешат разоблачить фамилию солидариста, выступающего под политическим псевдонимом Романова и пишут, что он в начале войны в Днепрпетровске должен был быть предан советскому суду за уголовные преступления, характер которых не приводят. Поремского “Известия” охарактеризовали как пьяницу и развратника.

Цели этой гнусной статьи ясны из ее конца: автор утверждает, что Брокс-Соколов привез в декабре 1967 года матрицы для печатания листовок с датой: “январь 1968 г”. Так, якобы, заграничные солидаристы хотели помочь своим агентам в Москве показать, что несмотря на аресты, выпуск подпольной антисоветской печати продолжается в самой Москве, хотя на деле весь материал был привезен Броксом из Франции.

Как удалось установить, венецуэлец на суде, якобы, показал, что материал и деньги от солидаристов он должен был передать одному из подсудимых — Алексею Добровольскому, который на суде в отличие от трех других, не признававших себя виновными, заявил, что кается в том, что какие-то деньги передал главному из подсудимых Юрию Галанскову. Поведение на суде остальных трех подсудимых было твердым.

Галансков признал себя автором передовой статьи в конфискованном номере “Феникс-66”, содержащей блестящий ответ писателю из советских падачей М. А. Шолохову, который, выступая на съезде сов. писателей, сказал, что военный суд строже бы осудил “изменников родины” Снявского и Даниэля, давая понять, что он лично одобрил бы их расстрел. На это Галансков ответил: “вы говорите, что наши завоевания революции стоили нам слишком дорого, чтоб мы могли быть снисходительны к изменникам, которые позволяют себе их втоптать в грязь. Да, вы правы: они нам стоили миллионы людей замученных и погибших в сталинских лагерях-истребилках. Это слишком высокая цена, чтоб превратить Россию в Шолоховскую казарму, в которой можно свободно двигать лишь пальцами ног в сапогах, ибо унтер-офицер этого не видит. Я, продолжает Галансков, горжусь тем, что с другими писателями принадлежу к великому и благородному народу. Но вы, гражданин Шолохов, уже не тот посредственный писатель, каким давно перестали быть. Вы политический демагог самого низкого пошиба. Вы можете сомнительно считать себя первым в маленькой группе литературных паразитов, как Михалков и другие. Не ссылайтесь на величие и благородство русского народа, ибо позорите и то и другое. Факты показали, что ни одна из хорошо оплаченных клеветнических статей не смогла обесчестить подсудимых. Во время процесса нескончаемый поток писем в защиту Снявского и Даниэля наводнил официальные организации и редакции газет. Каждый честный ученый и писатель считал долгом выступить в защиту подсудимых. Затем тоже подтвердила студенческая манифестация на Пушкинской площади. Знаете, что это значит? Что у вас подобных уходит почва из-под ног. Вы можете опираться лишь на карательные органы, но и они теряют почву под ногами. У вас и у них не будет почвы под ногами в свободной России. Они будут лишены силы, а вы потеряете деньги и всякие ваши премии, отечественные и международные (это намек на Нобелевскую премию, которую присудили чекисту Шолохову демократические судьи Нобелевского комитета. А. Р.). Ваша гнусная обвинительная речь, однако, не будет забыта ни современниками, ни историей. Союз сов. писателей — казарма шолоховского типа, где за деньги покупают молодые таланты, превращая их за прошлые десятилетия в наймитов. Только наиболее непорочных пришлось физически истребить сначала в двадцатых годах (ясный намек на Гумилева), около 1937 (новый намек на Мандельштама, Бабеля и других жертв ежовщины) и в 50-е годы (намек на жертвы Берии среди писателей). Но Россия проснулась. Плененный идеалами коммунизма писатель совершенно не может примириться с отвратительной действительностью коммунизма, со сталинскими концлагерями и общей ее глупостью. Коммунистические лагеря мешают им воспевать коммунистические идеалы, которые мешают критиковать концлагери. Отсюда творческий паралич писателей. В России нет свободных организаций, свободных журналов, свободного суда. Режим пробует исправлять ошибки прошлого, но совершает новые, которых надо стыдиться. Помните, как тяжела жизнь подпольного писателя. Если он выступит против образованного идиота, который хочет вернуть жизнь к прошлому (надо понимать, к сталинщине. А. Р.), то он поступает, как честный любящий родину человек, который не может замалчивать издевательства над родиной и ее лучшими сынами, Галансков. Москва-Ж 180-е п/отд., 3-й Голутвинский переулок, д. 7, кв. 3”. Давая свой адрес, он бросил открытый вызов палачам!

Я привел в значительном сокращении письмо мужественного Галанскова, опубликованное в иностранной печати, чтобы поскорее представить читателю героический образ человека, который в подпольном органе антисоветской печати, наперекор правилам конспирации, открыто дает свой адрес, чтоб показать, что приходится тайно печатать “Феникс-

66” для его распространения, но его сотрудники делают это тайно не из трусости и что он лично готов понести политическую ответственность. Сразу после распространения “Феникса-66” Галансков был арестован и на суде оказался главной фигурой, затмившей редактора журнала Александра Гинзбурга.

Галансков всем своим поведением опровергает самую возможность обвинения его в “шпионаже” и подкупности. Человек, дающий преследователям свой адрес для ареста, не может быть скрывающимся и маскирующимся шпионом. Не знающие о суде над писателями советские читатели могут поверить, что Брокс-Соколов вез деньги Гинзбургу с Галансковым, но руководители НТС знали, как и вся Западная пресса, что писатели и сотрудники “Феникс-66” арестованы с марта, а потому не стали бы посылать в декабре ни деньги для передачи им, ни матрицы для выпуска “Феникса-66”.

12-го января по окончании суда вышедшим из здания дружинники сообщили: стоявшим на улице друзьям и иностранным журналистам вынесенный приговор: Юрию Галанскову семь лет концлагеря (тоже, что получил Снявский), Александру Гинзбургу — пять лет концлагеря, Алексею Добровольскому (стившему на суде) — два года, а В Лашковой — год заключения. Они бавили, что в отличие от первых Д Добровольский в последнем слове просил прощения и обещал не занимать политикой, а 20-летняя Вера Лашковская признала виновной в том, что стуч на вощанке для циклостила листы “Феникса-66”, не понимая политическое значение своего поступка, а потому суд предупреждает ее этим впрямь не заниматься. Она выйдет на свободу в марте, но кто-то из защитников, которым при выходе на улицу девушки демонстративно поднесли по букету цветов, сказал, что она вернется домой уже 20-го января, то есть раньше, чем читатели прочтут настоящую статью.

Толпа, однако не сразу разошлась:

Толпа, однако не сразу разошлась:

Иван СОЛОНЕВИЧ

на глазах охранников Павел Литвинов (внук наркома и дипломата М. М. Литвинова — одного из основателей большевистской партии, руководителя ее подпольной работы в дореволюционные годы, умершего в 1951 г.) и жена Даниэля вручили иностранным журналистам меморандум протеста, в котором пишут, что они не враги режима, но беззаконий, творимых в отношении народа и выразителей его свободного мнения — честных писателей! Литвинов добавил, что его не протестуют арестовать, если Запад будет протестовать против этих беззаконий и не проявит равнодушия к судьбе только что незаконно осужденных писателей.

Теперь европейская печать протестует против приговора и недопущения в зал приехавшего из Норвегии для участия в их защите представителя организации защиты свободы печати. Западные газеты пишут, что, если бы подобный приговор был вынесен над писателями и журналистами в Афинах или Мадриде, то все улицы европейских столиц были бы забиты демонстрациями коммунистов и всяких радикальных пособников коммунизма, а посольства пришлось бы охранять от угроз и нападений манифестантов.

Теперь общий долг Запада не молчать и не забывать осужденных, но громко требовать их немедленного освобождения и пересмотра дела действительно гласным судом в присутствии иностранных журналистов.

Теперь следует дать читателям мой анализ с характеристикой подсудимых и их защитников и единомышленников, которых не напугал вынесенный приговор. Все они по молодости принадлежат к тому поколению, которое в раннем детстве перенесло ежовщину, но не допускает возможности ее повторения. Среди них выделяется выступающий теперь на первый план но еще мало известный на Западе 34-летний писатель и член редколлегии органа ЦК Комсомола "Юность" Павел Павлович Аксенов, двоюродный брат осужденного Александра Гинзбурга и сын автора "Крутой маршрут" Евгении Семеновны Гинзбург (см. "Нашу Страну" № 933 и 934, где помещена рецензия на эту книгу). Это младший из сыновей б. видного коммуниста, председателя Казанского горсовета, Павла Васильевича Аксенова. После ареста отца и смерти дедушки и бабушки (это впрочем только моя догадка), его взял на воспитание проживающий в Москве брат матери Гинзбург, отец ныне осужденного Ал. Гинзбурга, которые немного моложе выросшего в их доме двоюродного брата. Павлу было 13 лет, когда мать по отбытию заключения вышла на поселение в Сибирь и 21 год, когда ее совершенно реабилитировали.

После XX съезда партии и осуждения "культа Сталина" 22-летний Аксенов начал выступать в печати и вскоре выделился среди молодежи писательским талантом — яркими повестями и рассказами, бьющими по ненавидимой им с детства, как и вернувшейся к нему матерью, сталинщине. Это выбивает почву под ногами у трусливой клики брежневцев; как можно арестовать и обвинить в шпионаже и измене родине внука одного из ветеранов коммунизма, лучшего подпольщика в дореволюционную эпоху и самого близкого сподвижника Ленина, и вместе с ним сына пострадавшей в ежовщину и бериевщину реабилитированной Хрущевым писательницы, автора нашумевшей на Западе книги Евгении Семен. Гинзбург? Сталин бы перед этим не остановился, но это означало бы возобновление ежовщины, на что у Брежнева и Косыгина нет смелости. Кроме того они больше считают с западным общественным мнением, чем Сталин. Вспомним, что в 1931 г. Сталин не решился на казнь четырех всемирно известных академиков, обвиненных в монархическом заговоре и только разослал их по провинциальным городам. Только позднее, "нализавшись крови", он послал на гибель всемирно известных академиков К. П. Лазарева и Н. М. Вавилова и на истребление известных писателей Пильняка и Бабея, поэта Мальдештама, артистов Мейерхольда, Наталию Сац и др. Но теперь Запад больше интересуется жизнью в России и любое преступление режима против писателей дискутируется во всех крупных органах мировой печати. Это не смущает подобного по психологии Сталину Мао Тзе-гунга, но пугает жал-

Тайны Кремля

Как-то в дружеской беседе с Зиновьевым Сталин сказал: "Нет ничего лучше, как наметить жертву, разработать план, нанести сокрушительный удар и уничтожить ее. После этого хорошо спится".

"Отец народов" занимался такими делами весьма усердно. При этом в число его жертв попадали все те, кто возбуждал в нем подозрение, вызывал неудовольствие.

В годы "ежовщины" Сталин обратил внимание на своего земляка и друга наркома Орджоникидзе. Случилось это по той причине, что нарком осмелелся проявить свое, хотя и молчаливое, неодобрение некоторым творимым "рябым чертом" мерзостям. Этого было достаточно, "для составления плана ликвидации Орджоникидзе и его осуществления".

Однажды, жена Серго Орджоникидзе позвонила по телефону доктору Плетневу и просила немедленно приехать, так как ее муж серьезно заболел. Доктору не хотелось ехать, — он уже чувствовал, что атмосфера в Кремле начала принимать зловещий характер. Но не ехать тоже было опасно, поэтому он отправился в Кремль, взяв с собой сестру милосердия своей клиники, Магус.

Войдя в квартиру наркома, доктор и сестра нашли там плачущую жену и самого его, валявшегося в кабинете на полу, рвавшего на себе одежду и извергавшего ругательства.

Его уложили на диван. Он стал просить профессора помочь ему, ибо начался поход против него. Нарком рассказал, что Сталин недавно звонил ему, сообщил, что приказал Ежову произвести обыск в его квартире и просил этому не препятствовать, говорил ласково. Такое издевательство так взбесило Орджоникидзе, что он бросил телефонный аппарат на пол, разбил его, и сам упал на пол обессиленный.

Д-р Плетнев понял причину слабости, заметив на ногтях больного особый налет, получающийся при отравлении определенным ядом. Нужно было дать противоядие.

Но в это время, без стука в дверь вошел в кабинет Поскребышев. Он предложил всем уйти и оставить его одного с больным. Минут через двадцать он вышел из кабинета и объявил, что Серго стало лучше и он задремал, потому профессор Плетнев может уйти.

При выходе из Кремля, дежуривший у

ворот чекист сообщил доктору, что его желает видеть Сталин, поэтому Магус ушла одна, а профессор отправился к "рябому черту". Тот принял профессора милостиво, расспросил о положении больного и отпустил.

Проходя опять мимо квартиры Орджоникидзе, доктор не удержался и заглянул в нее. Он увидел наркома уже мертвым, а положение его тела на диване свидетельствовало об удушении.

Принявшись за ликвидацию наркома, Сталин позабыл обо всем и внимательно следил за ходом дела. Ему, конечно, немедленно же донесли, что к Орджоникидзе направился д-р Плетнев, поэтому туда же был послан Поскребышев с целью не допустить постороннего вмешательства в выполнение плана.

При этом все совершалось под покровом тайны. Для ее соблюдения нужно было уничтожить всех свидетелей. Поэтому через несколько дней в газете началась травля профессора Плетнева. Его обвиняли в разных преступлениях, в садизме, в искушении груди одной пациентки и пр. Скоро последовал арест, а потом суд, приговоривший 66-летнего доктора к 25 годам пребывания в концлагере. Других врачей, подписавших свидетельство, что нарком умер от сердечной болезни, постигла та же участь. Была арестована и сестра милосердия Магус. Она претерпела жуткие пытки и истязания, была брошена даже в комнату сумасшедшей, которая так и зрызала тело несчастной женщины, что она пролежала в бессознательном состоянии в тюремной больнице около месяца. Но сестра Магус все же выжила. Мало этого, ей удалось выбраться в свободный мир и поведать людям о той тайне Кремля, свидетельницей которой ей пришлось быть.

То обстоятельство, что после смерти Сталина, его соратники Каганович, Молотов, Маленков, Берия, Хрущев и другие, ненавидевшие и боявшиеся Поскребышева не меньше, чем самого "отца народов", не уничтожили его, наводит на мысль о другой тайне Кремля, — о загадочной смерти Сталина. Это могло случиться только при участии ген. Поскребышева, ибо вся охрана Кремля находилась в руках его агентов, которые без приказа начальника никого не пропустили бы в кабинет "рябого черта".

Вызванная в Кремль дочь Сталина Светлана выдала отца, умиравшего в страшных мучениях. Ее брат Василий Сталин открыто говорил, что его отец был убит своими соратниками.

Сергей П.

ких последышей Никиты, реабилитированного ярых врагов Сталина.

Позволю себе несколько исторических параллелей: самый факт восстания против режима его детей напоминает революционное брожение, которое началось в либеральную эпоху Царя-Освободителя, когда б. камер-лаж Государя князь П. А. Кропоткин ушел в революцию, бежал из Петропавловской крепости и стал основателем анархизма, дочь генерала Вера Засулич стреляла в генерала Трепова, а дочь другого преданного Царю генерала София Перовская стала участницей царубийства. Большинство революционеров того времени были или дворяне или поповичи — дети верноподданных Царя. Цветы, публично подносимые защитникам, напоминают овалы Вере Засулич по ее оправданию. Среди протестующих оказался генерал в отставке Григоренко, что показывает, что и ветераны прошлой войны в генеральских чинах возмущены режимом.

Именно их мнимая преданность идее коммунизма не помешала им копать ему яму. При первой встрече мн. внутр. дел А. Д. Протопопова с оппозиционными лидерами Гос. Думы Милюков бросил ему слова: "что вы говорите о вашем монархизме. Мы здесь все монархисты, но протестуем против вашего значения" и т. д.

Монархистами были и убийцы Распутина и расшатавшие режим своими выступлениями Милюков и Пуришкевич, который заклинал министров броситься Царю в ноги. В разгар Февральской революции Милюков в первом публичном выступлении защищал монархию в лице наследника под регентством вел. князя Михаила Александровича, а Гучков по возвращении из Пскова пытался на вокзале, прочитав толпе солдат и железнодорожников акт отречения, провозгла-

сить Царем Великого Князя. Несколько часов спустя Гучков и Милюков умоляли Великого Князя принять престол. Но вся их предшествовавшая деятельность привела к крушению не только монархии, но и всего политического строя, который они поздно пытались спасти. Поднятые ими волны поглотили их самих. То же может случиться и с теми, которые теперь расшатывают советский режим, режим начинающий шататься и издающий зловоние, как гнилой зуб во рту нашего народа.

Как же мы должны к ним относиться? Некоторые политики нашей эмиграции спрашивают: верят ли в Бога фениксовцы? Я отвечаю, что по всей вероятности от христианского Бога и вообще от религии Гинзбург, Аксенов, возможно, Галансков, и, конечно, Павел Литвинов столь же далеки, как были Юсупов, Пуришкевич, Гучков и Милюков от марксизма, к торжеству которого именно они Россию привели.

Мы должны приветствовать и поддерживать всеми средствами всякое их выступление, как по директивам Ленина из Женевы большевики поддерживали вредившее монархии революционное движение в годы войны, как приветствовали и не только поддерживали, но подталкивали Февральскую революцию, а в августе выступили за Керенского против Корнилова, ибо Ленин понимал, что победа Корнилова закрыла бы большевикам путь к власти, тогда как победа Керенского над Корниловым открыла Ленину двери Смольного, а министров Вр. Правител. отправила в Петропавловскую крепость разделять тюремное заключение с арестованными ими в феврале царскими министрами.

Сейчас мы наблюдаем в России целый ряд антисоветских явлений и выступлений: бежит и нападает на советский режим дочь Сталина, за ней бежит 28-

летний проф. индусского языка в московском университете Улуг-Заде, сын знаменитого таджикского поэта Таджик Заде, который, прибыв в Индию во главе делегации советских ученых ориенталистов, повторил бегство Аллилуевой с той разницей, что теперь оказался в Великобритании; внук Литвинова протестует против приговора над Галансковым на улице перед зданием суда и раздает меморандум иностранным журналистам, в котором по существу призывает Запад вмешаться в советские дела и требовать пересмотра дела "Феникса-66"; сын двух крупных репрессированных и реабилитированных коммунистов, б. соредатор органа ЦК комсомола "Юность", один из наиболее читаемых писателей в Сов. Союзе, — публично выступает против правительства. В протестах участвует герой последней мировой войны генерал Григоренко. Советские ученые с мировым именем протестуют открыто против боящегося вступить на сталинский путь расстрелов правительства. Все это показывает, как разворачиваются события на нашей родине. Разве это не подтверждает слова Б. Л. Пастернака на последней странице "Доктора Живаго": "хотя просветление и освобождение, которых ждали после войны не наступило вместе с победой, как думали, но все равно предвестие свободы носилось в воздухе все последние военные годы, составляя их единственное историческое содержание".

Умер, не дождавшись свободы, затравленный Пастернак, первый писатель, открыто протестовавший против советской диктатуры и подавления мерами полицейского террора всякой свободы творчества. Он тогда казался одиночкой в своем протесте. Но вот появились два писателя Синявский и Даниэль, которые также переслали за границу такие произведения, которых нельзя было напечатать на порабощенной родине. Они не испугались и мужественно держали себя на суде и потом в концлагере. Их было уже двое. Но в сентябре только что истекшего 1967 года пришлось судить уже не двух, а трех писателей. Новый 1968 год начинается в январе судом не над тремя, а над четырьмя участниками организации "Феникс-66". Я не отделяю от трех литературных работников по существу лишь случившейся на машинке для циклостиля материалы "Феникса-66" Веры Лашковой. Это была не просто наемная машинистка, а единомышленница, разделявшая мировоззрение своих друзей. Итак, в каждом процессе растет число подсудимых: два, три, потом четыре.

Наша же работа, к которой мы призываем всех народных монархистов и всех антикоммунистов: внимательно изучать все антиправительственные выступления в СССР, начиная от кампании протеста против советского правосудия, продолжая выпуском нелегальной печати и кончая танцевальными взрывами и расправой над всякими чекистами, включая дружинников. При этом мы должны везде: в разговорах с друзьями и недругами, с проезжими земляками и с иностранцами поддерживать кампанию протеста против арестов и осуждения сторонников свободы печати, против репрессий в отношении всех так или иначе расшатывающих режим, не смущаясь тем, что расправа идет с оппозицией во многом с нашими взглядами расходящейся.

10-го января в Элисте, столице Калмыцкой автономной республики, начался процесс 4-х участников антисоветской вооруженной борьбы: это "реакционно настроенные буддисты" С. А. Коноков, Ш. Б. Мукбеенов, Б. И. Хаджигоров и С. А. Кемгуров, которые с бегством советских войск в августе 1942 г. перед наступающими германскими полками создали отряд из ярых антикоммунистов, куда, по данным обвинительного акта, вошли верующие буддисты, антисоветские элементы, "бандиты и конокрады". Во главе отряда стал германский офицер "Абвера" Отто Верба, носивший кличку "доктор Долл". Подсудимые участвовали в борьбе против отступающих на восток советских частей, а потом против сбрасываемых в калмыцкие степи парашютистов и партизан. В конце 1943 года они отошли с германской армией, образовав калмыцкий легион, в котором все четверо были произведены в офицеры и продолжали борьбу против советских войск и партизан на территории Украины, Молдавии и Польши. Председательствовал на суде председатель Верховного Суда Калмыкии П. С. Дордеев, обвинителями выступили "знатный животновод" герой соц.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

КУБАНСКИЕ КАЗАКИ

Нам пишут из Нью Йорка:

Возникший в декабре 1966 года конфликт разделивший зарубежное кубанское казачество на сторонников избранного войсковым атаманом полковника В. И. Третьякова и сторонников состоявшегося до этих выборов атаманом войскового старшины Б. И. Ткачева, вступил в новую фазу.

Как известно, Б. И. Ткачев отказался признать законность избрания полк. В. И. Третьякова и продолжает исполнять обязанности атамана и председателя существующей в Нью Йорке Кубанской казачьей корпорации. Этой корпорации принадлежит кубанский войсковой дом в Астории, существующий там же войсковой музей, в котором хранятся 118 знамен и другие войсковые регалии, вывезенные из России в 1920 году.

Отрицая законность избрания В. И. Третьякова, его противники создали в прошлом году кубанский войсковой сбор (съезд), постановивший организовать новые выборы и поручивший подготовку этих выборов главной избирательной комиссии под председательством есаула князя М. Л. Голицына. Ныне эта комиссия сообщила, что кандидатами на должность атамана были выдвинуты генерал-майор О. И. Лебедев и полковники М. И. Зарецкий и В. И. Третьяков и войск старшины Б. И. Ткачев и Г. Ф. Фенев. Из них, генерал Лебедев, полк. Третьяков и войск старшина Ткачев отказались баллотироваться и, таким образом, кандидатами остались только полк. Зарецкий и войск старшина Фенев. Оба они принадлежат к той части кубанского зарубежного казачества, которая до сих пор поддерживала Б. И. Ткачева против В. И. Третьякова. Поэтому неизвестно, признает ли В. И. Третьяков законность предстоящих выборов или будет попрежнему считать себя войсковым атаманом, законно избранным 4-го декабря 1966 года.

ГОНЕНИЕ НА ВЕРУ

Нам пишут из Мюнхена:

Полученная здесь киевская советская газета "Молодь України" сообщает, что в селе Телиженцы, Изяславского района, Хмельницкой (бывшей Каменец-Подольской) области на советской Украине состоялся суд над супругами Ласюк, привлеченными к ответственности за данное ими их дочери Марии религиозное воспитание. Суд постановил лишить Ласюков их родительских прав, отобрать у них дочь и поместить ее в детский дом. Это постановление было приведено в исполнение.

По словам той же газеты, в детском доме Мария Ласюк отказалась снять натальный крест и участвовать в "пионерских играх". Она пыталась выйти из комнаты, в которой детям был показан

труда Б. Д. Очиров и писатель Л. О. Инджиев.

Процесс начался в самый день судебного приговора над 4-мя молодыми писателями в Москве. Между буддистами, боровшимися с оружием в руках против диктатуры и несправедливости, и литераторами типа Гинзбурга и его кузена Аксенова, Галансковым и юной русской девушкой Верой Лашковой общей является ненависть к Сталину: калмыки пытались свергнуть его иго с помощью иностранного оружия, а москвичи своим "Фениксом-66" протестовали против возврата к сталинизму и против удушливой атмосферы советского подхалимства. Но все они, вольно или невольно, сознательно или бессознательно, ударяли по партийной диктатуре, открывая путь к раскрепощению народов России, которые спянные в общих страданиях, а в будущем в общей борьбе с общим же врагом в лице политбюро ЦК компартии, неизбежно приведут нашу родину к возвращению на славный исторический путь, с которого сбили ее сначала республиканские "февралисты", а за ними лучше их разбиравшиеся в методах закрепления власти большевики, впоследствии в большинстве пожавшие друг друга. От этого кошмара Россия теперь начинает пробуждаться на наших глазах.

Алексей Ростов

Письмо Павла Литвинова

(КРС) В среду, 27-го декабря 1967 г., в газете "Нью-Йорк Таймс" были опубликованы выдержки из письма Павла Литвинова. Письмо это Павел Литвинов послал главным редакторам 4-х советских газет, а также редакторам газет французской компартии "Юманите" и итальянской компартии "Унита". Вот русский текст этого письма:

"Гл. редактору газеты "Известия"
Гл. редактору "Литературной газеты"
Гл. ред. газ. "Комсомольская правда"
Гл. ред. газ. "Московский комсомолец"
Гл. редактору газеты "Морнинг стар"
Гл. редактору газеты "Юманите"
Главному редактору газеты "Унита".
Считаю своим долгом довести до сведения общественности следующее:

26-го сентября 1967 г. я был вызван в Комитет государственной безопасности к работнику Комитета Гостеву (площадь Дзержинского 2, комната 537). При нашем разговоре присутствовал еще один работник КГБ, не назвавший себя. Сразу после этого разговора я записал его по памяти, поскольку, как я убежден, он наглядно обнаружил тенденции, которые должны стать предметом гласности и не могут не встревожить нашу и мировую прогрессивную общественность. Привожу текст разговора. За точность передачи основного содержания сказанного представителем КГБ и мною я ручаюсь.

Гостев: — Павел Михайлович, у нас есть сведения, что вы с группой лиц собираетесь изготовить и распространить запись последнего уголовного процесса Буковского и других. Мы вас предупреждаем, что, если вы это сделаете, вы будете нести уголовную ответственность.

Литвинов: — Независимо от того, собираюсь я это делать или нет, мне непонятно, в чем уголовная наказуемость такого действия.

Г.: — Это будет решать суд над вами, а мы вас только хотим предупредить, что если такая запись получит распространение в Москве или в других городах или попадет за границу, вы будете отвечать за это.

Л.: — Я хорошо знаю законы и не представляю себе, какой закон может быть нарушен при составлении такого документа.

Г.: — Есть такая статья: 191-я. Возьмите Уголовный кодекс и прочитайте.

Л.: — Я отлично знаю эту статью (кстати, расследование по этой статье — не в компетенции органов КГБ) и могу прочитать ее на память. В ней идет речь о клеветнических измышлениях, порочащих советский общественный и

антирелигиозный фильм, но администрация детского дома этому воспрепятствовала и, наконец, заставила несчастную девочку снять крест.

ПОЕЗДКА ЕПИСКОПА ЛАВРА

Нам пишут из Нью Йорка:

Секретарь Архиерейского Синода Русской Зарубежной Церкви епископ Лавр вылетел из Нью Йорка в Женеву и оттуда, вместе с архиепископом женеvским и западно-еврепейским Антонием, в Иерусалим.

Поездка обоих иерархов в Св. Землю вызвана необходимостью разрешения некоторых вопросов, связанных с положением Русской православной духовной миссии в Палестине.

УКРАИНЦЫ В АМЕРИКЕ

Нам пишут из Нью Йорка:

Харвардский университет в Кембридже под Бостоном, после переговоров с прибывшей в этот университет делегацией украинских организаций в Соед. Штатах и Канаде, сообщил, что он готов создать в этом университете, одном из самых известных американских высших учебных заведений, кафедру украинизации или даже особый институт украинизации, включающий кафедры украинского языка, литературы и истории, если украинские организации в Америке создадут материальную базу для существования этой кафедры или института.

Украинская пресса в Соед. Штатах отмечает это сообщение университета, как большое достижение украинских националистов, сторонников полной независимости Украины от России.

государственный строй. Какая может быть клевета в записи дела, слушавшегося в советском суде?

Г.: — А ваша запись будет тенденциозно искажать факты и клеветать на действия суда.

Здесь в письме Павла Литвинова сноски, которая гласит:

Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу РСФСР расширяет понятие клеветы, как заведомо ложное измышление, то есть для наступления уголовной ответственности необходимо, чтобы искажения были злонамеренными.

Конец сноски.

Гостев продолжает: — Это докажут те органы, в чьей компетенции такие дела.

Литвинов: — Как вы это можете знать заранее и вообще, чем вести этот бессмысленный разговор и заводить новое дело, вы бы сами издали стенограмму этого судебного процесса и пресекали бы ходящие по Москве слухи. Я вчера встретил одну знакомую и она мне столько ерунды наговорила об этом деле, что просто противно слушать.

Г.: — А зачем нам ее издавать? Это обычное уголовное дело о нарушении общественного порядка.

Л.: — Если это так, тогда тем более о нем стоит дать информацию, чтобы все увидели, что оно действительно обычное.

Г.: — Вся информация об этом деле есть в "Вечерней Москве" от 4-го сентября. Там есть все, что нужно знать об этом процессе.

Л.: — Во-первых, информации там мало: читатель, ничего ранее не слышавший об этом деле, просто не поймет, о чем речь. Во-вторых, она лживая и клеветническая. Вот редактора "Вечерней Москвы" или того, кто дал эту информацию, следовало бы привлечь за клевету.

Г.: — Павел Михайлович, эта информация совершенно точная, запомните это.

Л.: — Там сказано, что Буковский признал себя виновным, а я интересовался этим делом и точно знаю, что он не признал себя виновным.

Г.: — Что значит: признал, не признал? Суд признал его виновным — значит он — виновен.

Л.: — Я говорю сейчас не о решении суда, да и в заметке имеется в виду не это, а признание своей вины самим обвиняемым. Это совершенно самостоятельное юридическое понятие. Затем в заметке говорится о том, что ранее Буковский совершал "хулиганские антиобщественные поступки". Как ни рассматривай его действия, хулиганскими назвать их нельзя.

Здесь в письме Павла Литвинова сноски, которая гласит:

Буковский в 1963 году был арестован за то, что изготовил фотокопию отрывков из книги Джиласа "Новый класс", признан невменяемым и отправлен на один год и девять месяцев в специальную тюремную психиатрическую больницу в Ленинград.

Конец сноски.

Гостев продолжает: — Хулиганство — это нарушение общественного порядка.

Л.: — Значит, любое нарушение общественного порядка — хулиганство? Например, улицу не в том месте перешил — уже хулиган?

Г.: — Павел Михайлович, вы же не маленький, отлично понимаете, о чем идет речь.

Л.: — А вообще о Буковском надо было бы рассказать побольше: напр., как его задержали дружинники во время чтения стихов на площади Маяковского, отвели в отделение и избили.

Г.: — Это неправда, этого не могло быть!

Л.: — Это рассказала его мать.

Г.: — Мало ли чего она вам расскажет...

Л.: — Она это рассказала не мне (я с ней не знаком), а суду, и никто ее не перебил и не обвинил в клевете.

Г.: — Лучше бы она вам рассказала, как ее вызывали и предупреждали о поведении сына. Мы и ваших родителей можем вызвать. И вообще, Павел Михайлович, имейте в виду: в "Вечерней Москве" напечатано все, что полагается знать советским людям об этом деле, и она совершенно правдива. А мы вас пре-

• ТОРГОВЫЕ СНОШЕНИЯ СССР

Торговля СССР с западными странами постепенно растет, торговля же с коммунистич. странами с каждым годом уменьшается. Такой вывод можно сделать, анализируя статистические данные о внешней торговле Советского Союза за 1966 год, опубликованные на днях в Москве. Согласно этим данным, главными торговыми партнерами СССР в Азии в 1966 году стали Япония и Индия. Торговля с Китаем, занимавшая раньше первое место, резко сократилась. Сократилась торговля с Венгрией, ГДР, Румынией, Чехословакией и Сев. Вьетнамом, в то время как торговля с Западной Германией, Канадой, Соед. Штатами, Бельгией, Голландией и Ираном — возросла.

Рост торговых сношений СССР с Западом объясняется кризисом, возникшим за последние годы в торговой организации стран Вост. Европы.

дупреждаем, что если даже не вы, а ваши друзья или кто бы то ни было сделает эту запись, нести за это ответственность будете именно вы.

Л.: — Это интересно. Вы говорите об ответственности по закону, а закон предусматривает, что отвечает за действия человек, их совершивший.

Г.: — Вы можете это предотвратить.

Л.: — Но вы мне так и не объяснили, в чем опасность и наказуемость этих действий.

Г.: — Вы отлично понимаете, что такая запись может быть использована нашими идейными врагами, особенно накануне 50-летия советской власти.

Л.: — Но я не знаю закона, предусматривающего ответственность за распространение несекретного документа — только потому, что он может быть кем-то с какой-то целью использован. Многие критические материалы из советских газет тоже могут быть кем-то использованы.

Г.: — Вам ясно, о чем идет речь. Мы вас только предупреждаем, а вину докажет суд.

Л.: — Докажет, я не сомневаюсь. Это ясно хотя бы из суда над Буковским. И мой друг Александр Гинзбург сидит в тюрьме за такие же действия, о каких вы говорите, предупреждая меня.

Г.: — Вот когда будут судить Гинзбурга, вы и узнаете, что он сделал. Если он не виновен, то его оправдают. Неужели вы думаете, что сейчас, на пятидесятом году советской власти, советский суд может принять неправильное решение?

Л.: — Тогда зачем процесс Буковского сделали закрытым?

Г.: — Процесс был открытым.

Л.: — Но на него нельзя было поехать.

Г.: — Кому надо, те попали. Там были представители общественности, а больше в зале не было мест. Мы из-за этого дела клуб снимать не собирались.

Л.: — Значит, фактически нарушена гласность судопроизводства.

Г.: — Павел Михайлович, мы не собираемся с вами дискутировать. Мы вас просто предупреждаем, весь мир узнает, что внук великого дипломата Литвинова занимается такими делами, — это будет пятном на его памяти.

Л.: — Ну, я думаю, что он не был бы на меня в претензии. Я могу идти?

Г.: — Пожалуйста. Самое лучшее для вас сейчас: поехать домой и уничтожить все, что у вас есть.

Литвинов заканчивает свое письмо так:

"Я знаю, что подобного рода беседа была проведена с Александром Гинзбургом за два месяца до его ареста.

Я протестую против подобных действий органов государственной безопасности, которые являются неприкрытым шантажом.

Я прошу вас опубликовать это письмо, чтобы в случае моего ареста общественность была информирована о предшествовавших ему обстоятельствах.

П. М. Литвинов,

ассистент кафедры физики Московского института тонкой химической технологии имени Ломоносова.

Москва К-1, ул. Ал. Толстого, 8, кв. 7. 3 октября 1967 г."

О. Бартегов

Бойкот Окуджавы и травля Солженицына

Во второй половине января в Мюнхене началась советская культурная неделя. В столице Баварии была открыта выставка советского фотоискусства, в кинотеатрах демонстрировались советские фильмы, приехали деятели советской культуры. В составе делегации были поэты Булат Окуджава и Евгений Винокуров, главный редактор журнала "Иностранная литература" Рюриков и переводчик-публицист Лев Гинзбург. Литераторы неоднократно выступали перед немецкой общественностью с чтением своих произведений, рассказывали о путях и развитии советской литературы.

Большое количество слушателей привлекало выступление Булата Окуджавы, который пел свои песни аккомпанируя себе на гитаре. Среди публики, переполнившей "Komma-Klubs", было много русских эмигрантов. Представлявший Окуджава аудитории Л. Гинзбург говорил об огромной популярности поэта в России. По его словам, песни Окуджавы поются "на каждом дворе, в каждой квартире и даже на геологич. экспедициях", и все это несмотря на то, что радио и телевизия его игнорируют, а его пластинки в СССР не издаются. Только благодаря бесчисленным копиям распространяемым по всей России, песни Окуджавы стали известными и популярными среди широкой публики. Это небывалое явление показывает крепкую духовную связь поэта с народом. Популярность, которую Окуджава обрел среди подсоветской общественности, несмотря на бойкот власть имущих, выделяет его среди многочисленных подсоветских поэтов как выразителя народного настроения.

Визит советской писательской делегации начался с пресс-конференции, которая состоялась в Мюнхене 16-го января. Первым вопросом, заданным журналистами, был вопрос о том, как расценивают члены советской делегации недавно закончившийся в Москве процесс над писателями группы "Феникс 66". Отвечая за всех руководитель советской делегации — Рюриков. Он повторил официальную советскую версию, что, мол, все четверо подсудимых во все не писатели, что их судили не за литературную деятельность, а за связи с эмигрантской антисоветской организацией и за незаконные валютные операции. Рюриков ни слова не сказал о том,

что Гинзбург был редактором "Белой книги" о деле Синявского и Даниэля, а Галансков — редактор нелегального московского литературного журнала "Феникс" и автор известной поэмы "Человеческий манифест". Большое возмущение немецких журналистов вызвали слова Рюрикова, заявившего, что все подсудимые понесли заслуженное наказание.

Тенденциозная фигура Рюрикова вообще выделялась среди членов советской делегации. В то время как выступления Булата Окуджавы и Евгения Винокурова имели среди немецкой публики большой успех. — пропагандные, ни на йоту не отходящие от догматических партийных позиций, выступления Рюрикова сильно раздражали слушателей.

Во время встречи литераторов со студентами мюнхенского института по подготовке переводчиков, Рюрикову задали вопрос: "Как он оценивает творчество Александра Солженицына и считает ли положение писателя нормальным?". Рюриков сказал, что Солженицын, конечно, большой и популярный писатель, но он несогласен эпохе, он не хочет принимать к сведению директивы партии работникам культуры, болезненно переживает критику, и все это, естественно, накладывает отпечаток на его писательскую карьеру. Будь Солженицын менее упрямый его произведения появились бы в печати и положение его было бы намного лучше.

Из слов Рюрикова видно, что поступил Солженицын своей писательской честностью — ему обеспечены и почет, и слава, и уважение властей. Несомненно, что именно так сделал свою карьеру сам Рюриков. Но имя Солженицына по тому и известно мировой общественности, что этот писатель имеет собственные мысли и убеждения и не привык думать и действовать по партийной указке. Живя в обстановке непрерывной травли со стороны "руководителей культуры", Солженицын ведет борьбу за правду, за свободу совести, за свои убеждения.

Его письмо к делегатам 4-го съезда советских писателей — это гневный протест против политической цензуры и неуважения к писательскому труду со стороны властей. Выступив с ним, Солженицын знал на что он идет, чем он рискует. Он знал, что он может сильно пострадать. И он пострадал. Его, как писателя, лишили главного — лишили возможности печатать свои произведения. Кроме того, у него конфискован архив, черновики, наброски. Секретариат Союза советских писателей до сих пор не вернул ему его роман "В круге первом". На Солженицына возводятся клеветы, его пытаются очернить в глазах подсоветской общественности. Этой деятельностью занимается и руководство Союза советских писателей, в принципе обязанное защищать интересы литераторов. Рюриков, — один из этих

М. М. Спасовский

памяти В. А. Петрушевского

(Библиографические заметки)

На днях в Сиднее вышла книга стихотворений В. А. Петрушевского, изданная в Мюнхене Австралийским Округом Корпуса Императорских Армии и Флота. Издана книга хорошо. Она разбита на шесть отделов: Обширное предисловие с обстоятельными статьями кап. I ранга Н. Ю. Фомина (ныне покойного), В. Е. Милодановича и М. М. Спасовского; Далее следуют: Государь и Россия; Россия; О былом; На вулканах и Лирика.

На титульном листе книги читаем: В. А. Петрушевский. Поэт, патриот, солдат, вулкановед, книголюб, нумизмат, общественный деятель. Но этим далеко не исчерпывается характеристика такой многогранной, своеобразной и даровитой личности, каким был Петрушевский. Он обладал на редкость светлой душой и гармоничной целостностью своей духовной природы.

Владимир Александрович родился 4-го февраля 1891 г. в Москве и скончался в Сиднее 30-го августа 1961 года, оставив жену Марию Артуровну, сына Сергея и дочь Ольгу.

Даровитость Петрушевского была, очевидно, наследственной. Его дед, Василий Фомич, был ученый человек и преподавал химию Великому Князю и Наследнику Цесаревичу — Императору Александру III. Брат Василия Фомича, Федор, был заслуженным профессором С.-Петербургского Университета, известным физиком и главным редактором Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона. Отец поэта — Александр Ва-

руководителей, — отвечая на вопрос о положении Солженицына, бесстыдно лгал, говоря, что все претензии писателя тщательно рассмотрены и меры в его защиту приняты.

5-го декабря прошлого года, в Ленинграде, в Доме Прессы при многолюдной аудитории, главный редактор "Правды" Зимянин повторил ложь о том, что Солженицын был в плену, объявил его шизофреником, а лагерное прошлое — навязчивой идеей. Произведения Солженицына запрещены для библиотечного пользования и по цензурному распоряжению его фамилия не упоминается в критических статьях. В Пермском университете подвергнута санкциям группа студентов пытавшаяся обсудить произведения Солженицына в своем научном сборнике.

Травля Солженицына до сих пор не смогла сломить его дух, поколебать его намерение продолжать бороться за правду.

Связав народный гений ремнями партийной цензуры, коммунизм нанес русской литературе сильный удар. Но существование такого талантливого и мужественного писателя, каким является Александр Солженицын, доказывает, что удар не смертелен.

О. Бартегов

силевнич, крестник Императора Александра III.

В августе 1920 года Владимир Александрович из Владивостока уехал на с. Яву, где числился при Горном Департаменте на "вулканической службе". В 1945 году был назначен начальником разведки вулканов, в своем ведении имел 130 вулканов, характер, деятельность и природу которых он изучал, предугадывая бурное неистовство некоторых и тем спасая тысячи человеческих жизней. На послевоенном конгрессе геологов в Осло его объявили "чемпионом", ибо никто в мире до него не лазил на дно 68-ми вулканов и посему не однажды считали его обреченным на смерть.

Эта вулканическая служба не мешала Петрушевскому заниматься собиранием русских медных, серебряных, золотых и платиновых монет времен Петербургской Империи. Коллекция эта богата. Она была выставлена в 1936 году на с. Яве в гор. Бандунге, в количестве шестисот штук.

Богата была и его коллекция ныне редкостных русских книг XVIII, XIX и XX вв. Например, Н. К. Шильдер "Император Павел I", издание 1901 года или "Император Николай I. Его жизнь и царствование", издание А. С. Суворина, 1903 года. Или "Император Александр I", издание 1904 года. Все эти книги богато иллюстрированы редчайшими фотостатами с государственных актов и фотографиями.

Среди книг этой коллекции необходимо отметить два очень ценных труда: Великого Князя Николая Михайловича "Император Александр I" и С. С. Татищева "Император Александр II". Его жизнь и царствование. С. Петербург, 1911 год".

Вот она Русская История, не надуманно написанная господами либералами с хитрыми передержками, искажениями, пропусками и шуллерской клеветой, а наглядно обоснованная и представленная во всей полноте фотографиями с подлинных документов, актов и писем.

Но доминирующей наклонностью Петрушевского была его тяга к поэзии. Он был поэтом Божьей милостью и бряцанием на лире встречал все переживания своей многокрасочной, многотрудной, напряженной и кипучей жизни, в которой любовь к Исторической России превалировала над всем.

Владимир Александрович был поэтом, но он был и деятельнейшим работником на ниве своего общественного служения. Петрушевский состоял членом в четырнадцати общественно-политических, церковных, военных и казачьих организациях. Во многих из них он был председателем и во всех них неутомимым докладчиком, инициатором, хлопотуном и энергичным ходатаем везде, где нужно было защищать национальные интересы Русской Идеи, русских патриотов, их нужд, их забот.

Едва ли будет преувеличением сказать, что Владимир Александрович личной жизни не имел. Он весь кипел в котле треволнений, беспокойства, переживаний о вчерашнем и о завтрашнем. Пенсия, которую он получал от Голландского правительства за свою долгую и старательную службу по вулкановедению и за свои научные труды в этой области, предоставляла Петрушевскому широкую возможность целиком отдавать всего себя и все свое время стихии сердца, совести и веры.

Владимир Александрович был монархистом кристального характера, жертвенным, мужественным, духовно углубленным. В монархическом принципе он видел и ощущал то Высшее и Совершенное, что лежит в основе подлинной духовной культуры. Он любил свою Родную Землю до последних глубин своего сердца, до предельных высот созерцания ее государственного величия, ее державной культуры, ее духовного превосходства. Он ощущал в Исторической России ту сущность, которую стоит жить именно потому, что за нее стоит и умереть. Свою любовь к России он соединял с горячей верой в нее, он как бы чувствовал и знал, что его народ не покинут Богом.

Где за Божью Околицей
С небом сходит земля,

ЗУБНОЙ ВРАЧ

Doctora

А. В. НИКИТИНА-ЧУЧУВАДЗЕ

Revalida de Universidad Bs. Aires, Facultad de Odontología

Endodoncia — лечение корней зубов, технические работы, рентгеновские снимки, бор-машина ultra-sonico.

Прием по предварительной записи. Понед., вторник, четверг и пятница от 15 до 20 час.

Т. Е. 88-0431. PANAMA 914, p. 5, A. Один квартал от подземной жел. дор. Rio de Janeiro по улице Corrientes.

Письмо в Редакцию

Глубокоуважаемый Г-н Редактор!

Позвольте посредством Вашей газеты оповестить о результатах розыгрыша лотереи в пользу Союза Русских Военных Инвалидов им. ген. Баратова в Аргентине, устроенной Дамским Комитетом Союза под председательством И. И. Энгельгардт.

1-й приз — дюжина бутылок шампанского выиграл билет № 697.

2-й приз — швейцарские мужские часы выиграл билет № 807.

3-й приз — сервиз для сладкого на 6 персон выиграл билет № 373.

Союз Русских Военных Инвалидов им. ген. Баратова приносит свою глубокую благодарность Дамскому Комитету Союза и всем дамам, потрудившимся по устройству и продаже билетов на этой лотерее, а всем лицам так или иначе содействовавшим материально и моральному успеху ее шлем наш низкий поклон.

Правление Союза

COLEGIO "SAN ALEJANDRO NEVSKY"

CALLE BUENOS AIRES 2655 — OLIVOS

Русские люди!

В марте месяце открывается в помещении ОРЮР первая аргентинско-русская начальная школа со всеми правами частного учебного заведения.

ПЛАН ЗАНЯТИЙ

Утром: Курс испанской начальной школы под руководством опытных аргентинских учительниц. Директор — Н. Бойченко.

После обеда:

по понедельникам, средам и пятницам: русский язык, песни, игры, танцы и спорт (все занятия проводятся по-русски);

по вторникам и четвергам: английский язык, песни, игры, танцы и спорт (все занятия проводятся по-английски)

под руководством опытных преподавателей и руководителей молодежи.

ПОРЯДОК — ТОЧНОСТЬ — ДИСЦИПЛИНА — ХОРОШИЕ МАНЕРЫ

Запись с 5-го по 20-е февраля от 9 до 11 часов в помещении школы. Информации по телефону 797-4580.

КЛАССЫ:	КОЛИЧЕСТВО	ВАКАНТНЫЕ МЕСТА
Детский сад	25 учеников	15 учеников
I класс	15 " "	10 " "
II класс	15 " "	12 " "
III класс	12 " "	9 " "

ПРОСИМ ОПОВЕСТИТЬ ВСЕХ ВАШИХ ЗНАКОМЫХ ИНОСТРАНЦЕВ И АРГЕНТИНЦЕВ ОБ ЭТОМ МЕРОПРИЯТИИ.

Дирекция

Советский быт

ДВА ГЕНЕРАЛА

(КРС) В номере 7 журнала "Новый мир" опубликовано замечательное произведение писательницы Грековой, повесть "На испытаниях". Место действия повести — какой-то полигон, где проводятся испытания нового вооружения. Где работают военные и штатские, конструкторы и лаборанты. Полигон расположен, по всей вероятности, в дикой и безводной пустыне, где, как говорит одна из лаборанток: "условий никаких, жара, мухи, койки жесткие, на пленке эмульсия так и ползет, в столовой суп "бэ-эм" и котлеты "бэ-гэ": без мяса и без гарнира.

Царь Никола крепко молится
За родимые поля.

С Ним все русские угодники
И миллионы душ святых,
Всех последних лет колодники. —
Имена Бог знает их.

Императоры Российские
И Цари Святой Руси
Бьют поклоны Богу низкие:
— Боже, родину спаси!

Преданность Петрушевского Его Императорскому Высочеству Великому Князю Владимиру Кирилловичу была беспредельной:

Пусть я бездомная собака,
Пусть сумасшедший Дон Кихот
И жду напрасно годы знака,
Чтоб вновь отправиться в поход.

Пусть я бродяга вне закона,
Но у меня есть свой кумир, —
Коль скоро жив Наследник Трона,
Он мой природный Командир.

Хранитель крайний идеала
"Россия, Бог и Государь"
Иду, как рыцарь без забрала,
За них по гроб, как дела встарь.

Этим мы закончим наши беглые строки с твердым убеждением, что книга Петрушевского займет почетное место в домашней библиотеке каждого русского патриота.

М. М. Спасовский

Рядом с испытательным полигоном, естественно, возник и город или городок, где должны жить и работать испытатели. Этот "город испытателей" выглядит так:

"В городе три гостиницы: деревянная, каменная и "люкс". Деревянная для тех, кто попроще, гражданских и вообще всякой мелочи. Строение было барачного типа, хотя и большое; так называемые "удобства" на улице. Каменная гостиница считалась рангом повыше, сели там, главным образом, офицеров. Стояла она на круглой площади, задуманной строителями, как центр городка. В каменной гостинице был предусмотрен водопровод и удобства внутри. Последней ступенью роскоши был "люкс", где размещали генералов и вообще большое начальство. Здесь были фикусы, по верхней кромке стен — золотой багет и при каждом номере ванна. И каждому из граждан из деревянной гостиницы за прещалось войти в гостиницу каменную. И никому из гостиницы каменной не разрешалось преступить порог гостиницы "люкс".

В повести "На испытаниях" писательница Грекова создает образ генерала Сиверса. Генерал Сиверс — полнейшая противоположность генерала Гиндина. Сиверс выходец из древнейшего дворянского рода. А Гиндин — генерал уже нового типа. Гиндин плотью и кровью связан с пролетариатом. Генерала Сиверса в 20-е годы изгоняли из советских ВУЗов, преследовали, как классово чуждого. А Гиндин — пролетарий — был в почете. И вот, странная вещь: Сиверс, добившийся звания генерала благодаря своему уму и способностям, прибыв на полигон, где должно испытываться его очередное изобретение, наотрез отказывается поселиться в гостинице "люкс". Он живет в гостинице каменной, частенько обедает в гостинице деревянной, встречается, живет, шутит с офицерами и рядовыми, с конструкторами и лаборантами. Он человек. Он, как сам о себе говорит Гиндин: "Я из тех руководителей, которые неразлучны с народом".

Вот как описывает Грекова первое знакомство двух генералов:

Гиндин: "Здравия желаю, товарищ генерал. Меня зовут Гиндин, Семен Миронович... Вы меня еще не знаете, зато я вас знаю. Ничего, теперь вы меня узнаете: раз уже приехали в мое хозяй-

ство, вам придется меня узнать. Прошу свободно обращаться по любому вопросу. А сейчас я за вами. Мне только что донесли, что вы собираетесь обедать здесь, во втором зале. Зачем же? Для таких гостей, как вы, у нас есть другой зал, специальный. Напрасно вас сюда даже впустили, надо было направить прямо туда! Но знаете, пока дисциплинируешь этих людей... Пройдемте со мной, товарищ генерал!..

Сиверс: "Да нет уж, я лучше здесь останусь, со своим народом."

Гиндин: "Вольному воля... Все-таки, я еще раз советую пойти. Угощу жареной уткой."

Сиверс: "Уткой, говорите? Нет, покорнейше благодарю, не надо. Огорчен, но вынужден отказаться. Кстати, пользуюсь случаем выразить вам свое восхищение".

Гиндин: "По какому поводу?"

Сиверс: "Изумлен тонкостью обращения, достигнутой во вверенной вам чашке".

Гиндин: "В каком смысле?"

Сиверс: "В гоголевском. Помните? "У нас на Руси если не угнались еще кой в чем другом за иностранцами (прошу прощения, не я, не я, Гоголь), то далеко перегнали их в умении обращаться... У нас есть такие мудрецы, которые с помещиком, имеющим двести душ, будут говорить совсем иначе, как с тем, у кого их триста..."

Гиндин (гневно-обиженно): "Поражен вашей прекрасной памятью. В других условиях я душевно рад был бы вас выслушать, но теперь меня призывают дела. Служба, знаете ли, долг службы".

И вот, в этом гиндинском "Служба, знаете ли, долг службы", и в сиверском "Я, знаете, из тех руководителей, которые неразлучны с народом", выражены два диаметрально противоположные взгляда на взаимоотношения между властвующими и подвластными. Генерал Гиндин, по долгу службы, обязан придерживаться принципа: "Каждый сверчок знай свой шесток". А генерал Сиверс — вопреки тому же "долгу службы" бунтует против предопределенного каждому служебным положением "шестка". Для Гиндина, каждый обязан придерживаться указанного ему свыше "шестка", а для Сиверса — этот, кем-то отведенный "шесток" унижает достоинство человека, делит людей на полно-

Р. Н. М. Д.

В связи с перерегистрацией членов Движения, Е. Г. Фест посетил в ноябре 1967 года города Сидней, Брисбен, Канберру и Квинсленд. Секретарю РНМД народными монархистами в Брисбене и Квинсленде был оказан радушный прием.

Начатая Е. Г. Фест еще в 1963 году работа по созданию очагов и отделов Движения, теперь расширена на всю Австралию. В настоящее время здесь существуют отделы Движения в Мельбурне, Аделаиде, Брисбене, объединенный отдел штата Новый Южный Уэльс и Федеральной Территории (Сидней-Канберра), а также председательство в Новой Зеландии.

ценных и малоценных. Полноценным — гостиницы "люкс" и жареные утки, а для неполноценных — деревянные бараки, суп "бэ-эм" и котлеты "бэ-гэ". Генерал Сиверс, выходец из дворянской семьи, рассматривает это как некий социальный абсурд. А для Гиндина, генерала пролетарского происхождения, такое распределение жизненных благ — это осуществление принципа социализма "от каждого по его способностям, каждому по его труду".

А ведь и портрет генерала Гиндина, нарисованный Грековой, это не портрет отрицательного героя. Нет, Гиндин у Грековой человек по-своему и добрый и чуткий, и в то же время глубоко несчастный. Он — сердечно-больной. Но его девиз: "служба, знаете ли, долг службы" убила в нем и доброту и чуткость, и явился причиной преждевременного износа его сердца.

Не думаем, чтобы правление Союза писателей СССР только потому, что мы обратили внимание на повесть Грековой, обратилось бы по привычке и к ней с предложением "опомниться", и ничего не писать такого, что могла бы использовать заграница. В очень и очень многих произведениях, даже весьма ортодоксальных, прорывается много неприглядной казенной правды.

Застраиванием писателей и поэтов приоткрывается поток материалов, которыми может пользоваться "заграница" в борьбе с коммунистической идеологией теперь уже не удастся.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДЕЛ

П. СОКОЛОВ

ГРАНИЦА

— Испугаешься! Привели в становище, а там человек на костре горит. Небось, — и вы бы не улыбались!

Роман заинтересовался.

— Подождите: это что же такое? Что-то несуразное.

— Суразное, господин Могучий! Совершенно в вашем стиле! Тут-то вот главное и есть. Когда нашли вашу карточку, то позвали переводчика и стали выпрашивать: кто да что. А я отвечаю, а сам на костер кошусь, — шутка! Может быть и тебя сейчас станут поджаривать! Ну, я ответил им, кто я и сказал, конечно, что я вас знаю. Тогда они вернули мне лошадь и пустили на все четыре стороны. Предлагали поехать, да я отказался: чорт знает, чем накормят. А напоследок прибавили, что так как я, очевидно, — друг ваш, то они могут мне сообщить: человек на костре — ординарец их главного; а застрелен им и горит за то, что в поселке болтал лишнее: будто по весне у вас их отряд формировался. Вот оно, — что выходит!

Роману вся эта история очень не понравилась. А больше всего не понравилось то, что тут оказался замешан Гвоздев: она неминуемо станет теперь общеизвестной.

— Что-то вы путаете, дорогой! Никаких отрядов в моем доме не формировалось, и вряд ли бы Тиушин за простую болтовню стал убивать своего человека. Проворовался, поди; может быть ружье у кого-нибудь спер.

— Ну, насчет путаете, — можете быть спокойны: не путаю. Ясно сказано. А впрочем, я ведь к вам не за этим: я вам новость привез! — сказал Гвоздев, сев на лавку. Но он выдержал после этого долгую паузу; только круглые глаза его бегали вокруг и смотрели испытующе. Но его никто не спрашивал.

"Что мог бы привезти этот словоблуд!" — презрительно думал про себя Роман.

— К вам сюда скоро будут строить железную дорогу! — выпалил наконец Гвоздев. Ликование его и злорадство были очевидны.

— Как дорогу? — спросил ошарашенный Роман.

— Ну, как, — обыкновенно как. У нас лес на исходе, надо искать других мест; а у вас — вон его сколько!

— Да врете вы, милый человек! — возбужденно крикнул Роман: — Что я — ваших мест что ли не знаю? Лесу там еще непочатый край!

Это было самоуспокоением.

— Ну, вру я или не вру, — это вы, господин Могучий, увидите скоро. Только можете быть уверены, что не вру. Не для того ехал.

— И когда же это будет, — будут строить эту дорогу?

— Скоро, наверное через месяц. Скоро к вам инженеры придут.

— Вот хорошо! — вдруг воскликнула обрадованная Аннушка. — Ездить можно будет.

— Замолчи, Анна! — рявкнул на нее Роман; и только тут она увидела, какой болью было перекошено его лицо и какие мрачные сверкали в глазах молнии.

Гвоздев торжествовал. Он сидел на скамейке, высоко подняв голову, и победно смотрел вокруг. Удар его, действительно, был точен.

— Я же вам говорил, господин Могучий: другие пришли времена. Доисторическим охотничьим хижинам и кострам пора уходить, места в мире им не осталось. Их должно сменить цивилизованное общество. Понимаете? Вам надо подумывать над этим и переключить вашу жизнь на другие рельсы... — Он сделал паузу. — И милой супруге вашей надо выбраться из этой дыры, — прибавил он, поднимаясь.

— Пошел вон! — хотел крикнуть Роман; но увидев лицо Аннушки, ужаснулся, лицо это сияло таким же победным светом, как и у Гвоздева.

А тот уже кланялся:

— Ну, до свиданья! До скорого, я думаю. До свиданья, Анна Степановна, скоро заживете по-новому! А вы, — обратился он к Роману наставительно: — Подумайте! Хорошенько подумайте! — и направился к двери. Может быть, когда он сюда ехал, то надеялся на более долгий визит; но удар его оказался слишком сильным.

Роману хотелось бы всадить ему между плеч хороший заряд дроби; но не менее сильным было другое чувство: чувство растерянности и обиды. На то, что его Аннушка, Солнышко Орлиной горы, явно перешла в противный лагерь. В смятении он вышел во двор и стал с ожесточением тесать свою доску.

16

Гвоздев не обманул. Недели через две после его приезда, перед полуднем, в устье ложины оказалась группа людей. Она двигалась враспынную, цепочкой, и что-то по пути делала. Вскоре после полудня она уже была против Романовой избы, за ручьем, в полном своем вооружении: с лентой, топорами, трубами, ярко раскрашенными рейками, криками, шутками, крепким словом и смехом со всех сторон. Аннушка стала считать и насчитала одиннадцать человек русских и пять китайцев. Они прошли через Романов огород, срубили одно из оставшихся деревьев и что-то на пеньке написали. Аннушка вспомнила широкий пень на Орлиной горе и сразу исполнилась уважением к этим людям: делали они что-то прочное, на многие годы. Потом все бросили работу. Трое стали рассматривать свои книжки. Роман не выдержал: пошел за ручей.

— А это что здесь будет? — спросил он у одного молодого парня.

— Инженера спроси, — он тебе расскажет, — насмешливо ответил парень. Роман пошел к инженеру.

— Здравствуйте! Скажите: что вы делаете, что здесь будет?

— А как называется это место? — в свою очередь спросил инженер.

— Вот это — Орлиная сопка; а это, выходит, — Орлиная падь.

— Роскошно, господин охотник! — Роскошно!.. Теперь могу сказать: здесь будет конечная станция — Орлиная падь. Давайте познакомимся: я — инженер Загорский; а вы, думаю, наша знаменитость: Могучий, — не так ли?

— Откуда знаете?

— Ну, батенька, кто вас здесь не знает! На сотни верст прославилась. Вы думаете, совсем укрывались? А мы — вот мы, тут, как тут! Осень рад познакомиться! Да, да, — все вас знают. А, кроме того, есть у нас некий господин Гвоздев, ваш знакомый; он тоже говорил много, даже карточку вашу показывал; говорит, что с хунзузами вы в компании. — Инженер усмехнулся. — Мы ведь тоже дружим. Просился очень к нам в партию, да народ у нас дружный, ребята не захотели.

— Значит, правильно: железная дорога?

— Ветка, дорогой мой, только ветка. Вон за тем добром! — инженер широко махнул рукой в сторону леса.

(Продолжение следует)

П. СОКОЛОВ

ПО СЛЕДАМ ГАЗЕТНЫХ СТРОК

В субботу, 20-го января с.г., Генеральный Секретарь Организации Объединенных Наций принял Гуру Магарини Магеш Иога. Это духовный руководитель Битльзов и молодежи, которой присвоено наименование "Хиппи". (Что обозначает это "слово", до сих пор никому установить не удалось). Г-н У-Тхант провел целый час в увлекательной беседе со знаменитым Гуром. Беседа была посвящена вопросу установления мира во всем мире посредством трансцендентальной медитации. Гур Магарини Магеш Иога указывает на необходимость полного развития человеческой личности, что может быть достигнуто через онку медитацию, а для того, чтобы обучить человечество искусству трансцендентальной медитации, нужно построить специальные школы из расчета по одной на каждые сто тысяч человек населения. У-Тхант остался очень доволен этой беседой. Бывает, как видите, и такое.

Принц Нарсдом Сиганук в это самое время в Камбодже, по всем правилам дипломатического парада, принимал Иосифа Тито, держащего в своих руках государственную власть над Югославией. Нужно ли говорить, что их разговоры тоже вращались вокруг дела мира, причем оба государственных деятеля высказались в пользу поддержки Вьетконга и Ханоя, то есть коммунистических сил.

Вильсон. В это самое время, в стремлении к укреплению мира во всем мире, в Москву устремился британский премьер Гарольд Вильсон. Москва встретила его крещенскими морозами, почему, ради безопасности Вильсона, кто-то из встречающих нахлобучил ему на голову папаху. Папаху оказалась велика, по поводу чего все ужасно много и дружно смеялись. Судя по фото, Вильсон действительно был смешон. Целых полтора часа он толковал с Косыгиным о прекрасном: о мире, о сотрудничестве между странами, и когда журналистам уже был разрешен вход, то беседа состояла из веселых шуток.

Потом был банкет, где Вильсон высказал уверенность в скором, конструктивном решении всех задач, относящихся к обменам странам. С тем Вильсон уехал в Англию, а Косыгин стал укладываться к поездке в Индию.

В Индии предстает конференция, где А. Косыгин обменяется мнениями с Индирой Ганди и с Иосифом Тито. Не подлежит сомнению, что эти "нейтральные" наблюдатели вьетнамских событий вынесут какую-то резолюцию. Что в ней будет говориться, совершенно неизвестно, так как последующие события недели сильно смешали планы многих поездов, конференций, совещаний и пр. и т. п.

Евреи. Поскольку мы упомянули Косыгина, не пройдем мимо газ. "Таймс" (Лондон). Неизвестно кто купил целую страницу газеты (а это стоит ок. 2.000 фунтов!) и напечатал там воззвание английских ученых, представляющих 22 университета Англии. За подписью 236 интеллектуалов, газета "Таймс" обращается к мировому общественному мнению, чтобы оно призвало правительство России (так и сказано: Россия), чтобы оно прекратило "дискриминацию" против евреев.

"Хотя евреи в СССР зарегистрированы, как официально признанная национальность, им отказано в правах, которыми свободно пользуются другие национальные и этнические группы, и которые гарантированы Советской конституцией". Воззвание приглашает "все просвещенное общественное мнение мира" требовать от советского правительства прекращения этого положения в соответствии с декларацией о правах человека и с конституцией СССР.

Что евреям плохо живется в СССР — сомневаться не приходится. А кому хорошо? Но откуда господа английские ученые взяли, будто евреев лишают прав, которые, де, имеют другие национальности? О каких правах гражданина и человека можно говорить в стране концлагерей и большевистского произвола? Пора бы английским ученым это знать.

Бомба. Над Гренландией погиб аме-

риканский самолет, несший груз водородных бомб. Искри осколков самолета и частей потерянных бомб крайне затруднены сезоном полярных ночей.

Вьетнам. Следуя традиции, что ученые интеллектуалы должны быть миролюбивыми, сайгонские университетские профессора выступили с обращением ко всем воюющим сторонам, чтобы перемарне, обычно исполняемое на дни вьетнамского нового года (называется: Тет), было превращено в начало полного мира, для чего надо немедленно приступить к мирным переговорам.

На пороге событий. Эта верная, хотя и не новая, мысль попала на не вполне удачную почву. Дело в том, что на северо-востоке от Сайгона, приблизительно в 600 км., находится большой американский военный пункт Хэ Сань. Там сосредоточено до 5.000 человек американских солдат и все, что относится ко всякой военной базе. Эта база сейчас попала в осаду. Красные окружили ее кольцом из 20.000 большевистского войска, и ожидается, что вот-вот возникнут бои, которыми большевики начнут крайнее интенсивное наступление.

Красными здесь командует сев.-вьетнамский министр военный ген. Во Нгуиен Гьань, тот самый, который во время Индокитайской войны заставил французских слатся в Дьен-Бьен-Фу.

Газетные строки вызывают впечатление, что начинает открываться страница решительных событий. На их фоне бледнеют уже надоевшие разговоры о дипломатии, о переговорах и о том, насколько значительны сегодня решения женеvской конференции 1954 года.

"Энтерпрайз" — по-русски значит "предприятие". Так называется один из крупнейших американских авианосцев. Он делал визиты в некоторые порты на азиатском побережье Тихого океана. В Японии красное студенчество устраивало демонстрации против Америки.

В Корею вдруг неожиданно возобновилось враждебное напряжение. Оно началось нападением сев.-кореvских солдат на президентский дом в Сеуле 21-го января. После этого имели место еще незначительные эпизоды просачивания шпионов и мелких стычек с ними, но главное событие, которое может оказать чреватые грандиозными последствиями, произошло во вторник, 23-го января 1968 года.

Версия Пентагона. Американское разведывательное судно "Эль Пуэбло" находилось неподалеку от побережья Сев. Кореи, однако — в зоне международных вод. К нему приблизилось сев.-кореvское патрульное судно и под угрозой обстрела потребовало, чтобы "Эль Пуэбло" следовало за ним. Указав свою национальную принадлежность, "Эль Пуэбло" оставалось неподвижным, пока не пришло еще три сев.-кореvских судна. Они окружили "Эль Пуэбло" и вскоре американское судно было взято на абордаж. После этого радио связь с ним прекратилась.

Версия Сев. Кореи. Войска американских агрессоров пришли в бешенство после набега красных партизан в самое сердце Сеула. Они обстреляли красную сторону артиллерийским огнем, после чего послали во внутренние воды Сев. Кореи разведывательное судно, которое оказалось близ Вонсана. "Наши морские силы захватили вооруженный корабль империалистических агрессоров, решительно подавив сопротивление ненавистных американских империалистических провокаторов".

Снхва Энтерпрайз. Американский авианосец "Энтерпрайз" во главе оперативного подразделения направился в Японское море. (В сторону Сев. Кореи).

Судьба экипажа. На борту разведывательного судна "Эль Пуэбло" находилось 83 человека команды. Судно оснащено секретным электронным оборудованием разведывательного назначения. Американцы надеются, что команда успела разрушить это оборудование, прежде чем оно попало в руки красным. Есть основание полагать, что несколько человек из команды были убиты.

На другой день по радио с красной стороны стали передавать признание командира разведывательного судна "Эль Пуэбло", Ллойда Бьючера. Согласно этому тексту, и капитан и вся команда каются в соучастии в империалистической агрессии и мечтают только о том, чтобы их простили и отпустили по домам к женам и к мамам. Исследование текста убеждает в том, что здесь представлена пропагандная фальшивка.

О судьбе команды никаких внятных сведений нет и в Америке высказываются тревожные опасения за судьбу американцев, попавших в руки к красным.

Панмунджом. Комиссия переговоров о перемирии имела встречу по поводу происшедшего. Переговоры были бессмысленны.

Акт войны. Дин Раск высказал глубокую озабоченность, назвал совершившееся "актом войны" и предупредил Сев. Корею о том, что она должна охладить напряжение.

Газеты пребывают в состоянии растерянности. Привычный мотив борьбы за мир у них не получается, а к войне призывать они разучились. Впрочем, упорно говорится о том, что, хотя и дипломатическими путями, но Америка должна получить удовлетворение в нанесенном ей оскорблении.

СССР отказался выступить в роли посредника и призвать Сев. Корею к разумному направлению событий.

Европа. Европейская дипломатия крайне встревожена. Отовсюду высказываются привычные пожелания и опасения, как бы Америка не приняла каких-либо мер, способных повести к Третьей Мировой войне.

Пекин. Его отношения к Сев. Корею последнее время охладели и не слышно никаких суждений о позиции Пекина по поводу корейского кризиса.

Ватикан. Здесь высказывается сожаление, что нападение красных партизан в Сеуле и захват американского разведывательного судна красными могут повести к такому положению, когда события выйдут из-под контроля.

Джонсон. 25-го января с.г. президент США, Линдон Джонсон, распорядился о немедленном призыве 14.600 человек резервистов авиации и флота. (Эта мера последний раз была применена, когда Хрущев привез на Кубу советские ракеты). В Южную Корею из Японии перебрасываются авиационные силы.

Наконец, предвзятое открытие чрезвычайной сессии Совета Безопасности, выступив с краткой речью по всеамериканской телевизионной сети. Джонсон предупредил и Америку и Сев. Корею, что Соед. Штаты Сев. Америки прилагают все усилия к тому, чтобы кризис был урегулирован путями дипломатических приемов. Тем не менее, Америка и в военном отношении готовится к тому, чтобы встретить любое стечение обстоятельств, способное возникнуть в Корею.

Джонсон заявил, что Америка тут имеет дело с "актом производства и агрессии". "Ясно, сказал он, что это терпимо быть не может". По адресу Совета Безопасности Джонсон сказал: наилучшим результатом "для всей всемирной общины было бы, если бы ей удалось убедить Сев. Корею вернуть нам наш корабль и наших людей и прекратить опасный курс агрессии против Южной Кореи".

Совбез. Посол СССР в ООН. Платон Д. Морозов, пытался не допустить до обсуждения в Совбезе вопроса о кризисе, вызванном сев. корейцами на Дальнем Востоке. С ним в унисон выступили Венгрия и Алжир, однако, успеха он не имел. На первом же заседании посол

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
NUESTRO PAIS
 Organo Monárquico Ruso
 Editor-Director
TATIANA K. DE DUBROWSKY
 MONROE 4219, Dep. 10
 BUENOS AIRES (30)
 T. E. 52-7426

ЗУБНОЙ ВРАЧ
Dra. PISAREDICH de HORNBAIN
 Docenta de Facultad de Odontologia
ДОКТОР МЕДИЦИНЫ
 (говорит по-русски)
 Специальное лечение корневых зубов.
 Бор-машина Ultrasonic.
 Искусственные зубы.
 Рентгеновские снимки.
 Прием ежедневно от 15 до 20 час.
 Boulogne Sur Mer 541, p. 2, dpto. H
 Capital T. E. 88-3605
 (Один квартал от станции подземки Pueyrredón по линии Federico Lacroze).

ИЩУТ МОЛОДУЮ ДЕВУШКУ
 к маленькому ребенку для разговора по-русски и, желательно, по-французски, на несколько часов в день.
 Обращаться по телефону 80-6781 от 7 до 8 час. и от 20 до 22 час.

"ХОКАРАЛЬ"
 Русская гостиница
 в Мар дель Плата
 Тенистый парк, тишина, уют,
 умеренные цены.
 Адрес:
HOTEL PARQUE "JOCARAL"
 c. Hernandarias 6060, Mar del Plata
 Тел. 2-7435.

В Св. Троицком Соборе на ул. Brasil 315 по средам будут всегда совершаться молебны с акафистом. Начало в 7 час. вечера.

США, Артур Дж. Гольдберг, предъявил отчетливые данные о том, что американский разведывательный корабль находился в зоне международных вод, а не в территориальных водах Сев. Кореи.

Бей их! Председатель Комитета Вооруженной Службы при одной из палат Конгресса, Мендель Риверз, в интервью высказал свое личное мнение по возникшему вопросу так:

По его мысли Сев. Корею надо дать 24 часа срока и ультимативно потребовать возвращения судна "Эль Пуэбло", предупредив, что в противном случае атомная бомба будет сброшена на один из городов Сев. Кореи, и он будет стерт с лица земли. Если правительство Сев. Кореи не исполнит требования, предъявленного в этом ультиматуме, то атомную бомбу надо бросить.

"Мы уже столько наслушались пропаганды про атомные бомбы, что хотя у нас и имеется самый большой их запас, если мы решим ими не пользоваться, то не проще ли их выкинуть вон?" Мендель Риверз говорил, очевидно, в состоянии крайнего раздражения. Говорит он красочно и убедительно. Однако, общественное мнение мира настолько настроено против атомной бомбы, что тот, кто ее бросит, наделает себе больше врагов, чем число уничтоженных.

Наше замечание: Скорее всего все рассосется. Впрочем, даже старожилы не запомнят, чтобы в мире пахло порохом с такой силой, как им пахнет в эти дни. Наглость красных корейцев, проявившаяся одновременно с началом решительных боев во Вьетнаме, создает впечатление, что за этими маршнотками стоит крупная сила.

Завтрашние газеты будем развешивать не без тревоги.

В Сицилии продолжают толчки разрушительного землетрясения.

Наблюдатель

ЦЕНТР РУССКИХ БЕЛЫХ

(Карлос Кальво 2851. Телефон 97-0447)

В субботу 2-го марта 1968 года

МАСЛЕНИЧНЫЙ ВЕЧЕР — БЛИНЫ

В программе:

Концерт, Танцы, Лотерея, Обильный и дешевый буфет, Джаз-Оркестр.

На вечере произойдут выборы королевы русской колонии

Буэнос Айрес на 1968 год.

Начало в 21 час.

Вход \$ 300.—